

Дмитрий
КОРЖОВ

г. Мурманск

*Потому что
я к бою
готов...*

О новой книге Александра Логинова

Начнем неправильно. Ведь речь об одном из ярких и глубоких современных поэтов России, а начнем мы с суровой русской прозы.

Прозаический блок книги «Автопортрет» поразила. Я бы даже, пожалуй, принудил читателя сначала внимательно (с карандашиком!) изучить прозу Александра Логинова, а потом приступить к стихам. Как раз здесь он подробно, порой с тщанием великим открывает нам едва ли не все главные темы поэтической части сборника: родная земля, люди, природа, братья-писатели на пиру русской словесности, родной язык.

Это, в общем, не столько художественная проза, сколько высокая публицистика, отчасти литературоведческая и почти всегда автобиографическая, тем или иным образом связанная с жизнью автора. Особо выделяю очерк об учителе, краеведе и, как оказалось, талантливом прозаике Юрии Турандине, – редкий сплав точной мысли и выверенного проникновенного слова – сочетания естественного для лучших образцов русской прозы. Турандин – имя для меня, полагаю, не только для меня, новое, поэтому читал с особенным интересом. Очерк того стоит. Он – о друге и

писателе – трагический, исполненный великой грусти по тягостно поздно осознавшему собственный немалый дар собрату по перу. А дар серьезный, редкий. Турандин – это светлая и чистая (настоящая!), без «пустот, слащавой изысканности и метафорических галлюцинаций», классическая отечественная проза, это – ясный, свободный от наслоений и примесей русский язык.

Работа называется «Нестеровская тишина Юрия Турандина» – обращение к великому русскому художнику Михаилу Нестерову неслучайно. Он для героя очерка стал ближе к концу жизни ориентиром – и в ремесле, и в жизни. «Нестеровская тишина – и есть ключ, открывающий нам дверцу в глубинные смыслы русской классической прозы», – отмечает Логинов. О чем это? О том, что нужно иногда (даже в московской и всякой иной городской суете), нужно останавливаться, «если даже неймётся – молчать», чтобы увидеть мир вокруг ясно и четко, «вдохнуть воздух Родины», почувствовать крутую мощь родной земли, которая, несмотря на все минувшие лихорадки, по сию пору «не так уж и опустошена, что

в самой живой природе ещё не изжиты свет и красота, дарующие человеку духовные силы».

Как видите, и мне кажется это очень важным, определяющим, рассказывая о Турандине и его прозе, Логинов приводит читателя к разговору о корневых, основополагающих проблемах современной литературы и жизни. Как иначе, если душа болит, когда видишь, что происходит порой в новые времена, – и с литературой нашей, и с ее основой, родным языком. Но послушаем Логинова:

«...Не только писать, но и говорить на чистом, светлом и простом для понимания русском языке в современной субкультуре считается архаикой. Для многих, но, к счастью, не для всех. Да, русская классическая проза, вдумчивая и сочувливая, имеющая нравственные ориентиры и вместе с тем наполненная страстью, а иногда и бунтом в горячей крови, под давлением так называемой современной, не имеющей берегов литературы, погружается всё глубже и глубже в родную почву, которая её и родила. И тем не менее ставший уже трафаретным образ зерна, ждущий возрождения и пробуждения, верен и точен по отношению к ней. Она, наша русская литература, – это клад. И в урочный час земля вновь подымет его на поверхность своей могучей силой. Потому как это и есть наша опора со времён «Слова о полку Игореве»...»

Как ни горько сознавать, но всё сказанное – правда. Каждое определение – в точку! Псевдообразность, безудержная, не «имеющая берегов», игра со словом, в которой содержание – человек с его страстями и страданиями, который всегда был в центре русской литературы, уже и не важен, позабыт-позаброшен. Всё правда. Верю, что и надежда на воскрешение языка и литературы станет явью. Но для этого нужно работать, о чем Логинов неоднократно говорит на страницах книги, к чему настойчиво призывает. Потому как в наших невзгодах не только внешние, коих, конечно, немало, демоны виноваты, но и мы сами.

Чрезвычайно интересны и две другие работы, которые с известной долей условности можно назвать литературоведческими – о «Ключах Марии» Сергея Есенина, и не только, и «Вольный выбор Пушкина». Впрочем, литературоведческие ли? Это вещи скорее философские, о сущности творчества и бытия. Вот как характеризует автор то, что открылось ему в «Ключах Марии» Сергея Есенина: «...есть родовая глубинная память, полет над землей с широко раскрытыми глазами и устремление в зенит человеческого духа. Только тогда поэт живет и растет и вглубь,

и вширь, и ввысь. В противном случае он сочинитель ритмически организованных и рифмующихся строк...»

Работа о Пушкине – это разговор о первичности внутренней свободы поэта, всецело определяющей его жизненный и творческий путь. Очень любопытная работа. Логинов сравнивает Александра Сергеевича с несколькими крупнейшими поэтами XX века, прежде всего с Маяковским и Есениным, считая, что и те были свободны, но не без оговорок (каждый на особицу играл с властью), указывает, что «...Пушкин в одном только стихотворении «Друзьям» смог и возвысить царя, и место ему в истории отвести, и встать рядом с ним, как равный с равным, ибо поэтическая цельность вольного певца и гражданина осталась неизменной, а мысль философская была чиста и ясна...» Всё верно, но, замечу, было кого возвышать, с кем быть на равных! Оболганный советскими историографами Николай I – фигура незаурядная и по-своему трагическая. Его личность характеризует одна только фраза, сказанная одному из приближенных после разговора с Пушкиным: «Я сегодня беседовал с самым замечательным человеком в России...» Мне кажется, это исчерпывающая характеристика самому говорящему.

Что выделю еще в прозаическом блоке? Пронзительная, исполненная теплоты и нежности, названная именем одной из поэтических книг автора, работа «Дети окраин» о писателе и наставнике по Литературному институту Александре Михайлове; столь же проникновенный, когда «словно распахивается заветная дверца в иной мир», очерк «Мой северный брат» о земляке-северянине, поэте Дмитрие Ушакове; обстоятельные размышления о фильме Кончаловского «Белые ночи почтальона Тряпицына» (включая откровенную беседу с главным героем); дневниковые записи десятых годов – многоликие, здесь и плач по Украине после майдана, и первое прикосновение к поэзии на уроках литературы, в библиотеке и дома, и обычная на первый взгляд рыбалка (всепогодное и вневременное увлечение, страсть автора), но тоже непростая – с людьми и образами, глубокими, незабываемыми.

О прозе сказали. Теперь – о поэзии. Как спросил меня совсем недавно автор «Недописанного автопортрета»: «А ты зачем от поэзии отрекаешься?» Не отрекаюсь. Отречешься от нее, как же. Ведь, как заметил в свое время один всем нам известный большой поэт, «не она от нас зависит, а мы зависим от нее». Поговорим о поэзии. К то-

му же тропки-то нам (фарватер!) проза уже не просто наметила, а жестко обозначила.

Начнем опять-таки не с начала, а с любимого. Хотя бы с того, что несколько стихотворений Александра Логинова я знаю наизусть. Есть такое волшебное качество у настоящей поэзии, у хороших, живых стихов – их заучивать не надо, раз-другой прочитаешь, и они словно бы остаются в тебе, порой – навсегда. Впервые я услышал его «Экспансию Белого моря» в конце девяностых. Автор тогда очень недолгое время гостил в Мурманске – жил вместе с дочерью в Союзе писателей пару дней проездом в шведский Оверкаликс (там тогда работал ныне несуществующий Литературный центр Баренцева региона). Стихи, помню, по-настоящему удивили, потрясли. А Александр Андрович еще и читал их потрясающе – распевно, испытывая аудиторию, что называется, «на голос». Стихи его это позволяют – широкие, раздольные, со множеством гласных («а» и «о» – они особенно хорошо, зачетно тянутся).

Логинов, вообще, весь словно бы из сказки, или, если точнее, из русского мифа: седоволосый, быстрый, говорит так, словно заговор какой колдовской нашёптывает. А еще – постоянно в движении, будто дым над землей вьется – попробуй поймай! Просто, как в стихах его, словно он когда-то о себе написал: «быть незримым и неуловимым». Да, неуловимый. Но! Попробуем поймать. Хотя бы на узком пространстве предисловия, хотя бы в «пространстве стиха».

Да и в мире, который создал Логинов в стихах, доложу я вам, легко нос к носу столкнуться с лешим-бедолагой, что, по искреннему заверению автора, «тоже человек», погибшим много веков назад воином, зоркими кормщиками, которые управляют своими лодьями высоко в небе, Иванушкой-дурачком и иными постоянными жителями русского мифа. Причем действие очень часто происходит вне конкретного времени – ну какое время в мифе?! Та же знаменитая «Экспансия Белого моря» какой эпохе принадлежит? Подобный поход светлой силы – явление вневременное. Движение такое (наступление, прорыв!) есть не всегда, но нет-нет да возникает. Как освобождение. Как знак новой жизни. Знак преображения мира.

Это стихотворение Александра Логинова начинается тяжело – мрачно и почти недвижимо, статично, но потом – постепенно, шаг за шагом, строфа за строфой – становится все светлее, набирает ход. Будто корабль, не без труда оторвавшись от причальной стенки, режет волны с нарастанием скорости – сначала за счет собственной мощи, по

инерции, а потом, словно поймав ветер в паруса, почти летит над водой... И пошёл, и пошёл! Останови попробуй! Не удивительно, что «пятятся страхи, прячутся в сумраке улиц московских».

То же и с жутью и мраком, что живут в первых строфах. Они вместе с «ночью-холодрыгой» мнутя-жмутся, теряя власть над людьми и бревенчатым миром, которым пытались править. Еще строфа, и «черный кафтан» ночи – разорван, распластан на части неудержимым, стремительным светом:

*Вскинешь глаза – по лучу золотому
Вестник скользит, словно канатоходец.
В окна стучит, вызывает из дому:
«Эй, просыпайся, пугливый народец!..»*

Удивительное, мирное сосуществование мифа и реальности, надежный их сплав для Логинова, как мы уже отмечали, – вещь обычная, присутствует (в разных дозах) едва ли не во всех его лучших стихах. В «Экспансии...» миф, конечно, впереди, «на лихом коне» – поморские лодьи в их небесном походе на Москву – явление сродни прославленной Гомером троянской вылазке греков. Невольно вспомнишь хрестоматийное: «Бессонница, Гомер, тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины... Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, что над Элладою когда-то поднялся...»

Реальность здесь у Логинова где-то на втором плане, она – лишь фон, да и то изрядно мифологизированный. В действительность, к нам с вами, к читателю, лирический герой стихотворения (и автор!) вырывается, пожалуй, только в обращениях: «Эй вы, рязанские, вятские парни, время покинуть вам русские гетто!» И тут же, уже в следующих строчках этой же строфы – снова миф: «Вон в облаках проплывают попарно лодьи поморов, гружённые ветром...» Поморы логиновские, опять же, почти Ахиллес и Патрокл, такие сведущие в навигационных науках былинные чудо-богатыри:

*В солнечных брызгах трепещут рубахи!
В лодьях гудят просмоленные доски.
Кормщики зорки... И пятятся страхи,
прячутся в сумраке улиц московских.*

Сколько воздуха, вольной, несмирной мощи в этих стихах! Его хорошо читать – не себе под нос, как это делают иные современные стихотворцы, а – громко, не стесняясь, и дразня, и радуя, и тревожа публику живым, раздольным русским сло-

вом. Вот уж и впрямь – «вольноголосо рассветная песня» эта «Экспансия Белого моря».

А корабли, лодьи поморские – все идут, ускоряясь, не теряя строя, необоримой эскадрой, которой все напасти столичные (включая «пробки» и прочую тамошнюю чуму) – не преграда:

*Поздно. Уже по дорогам и весям
движется, гулу небесному вторя,
вольноголосо рассветная песня, –
это экспансия Белого моря!*

*Вот и дождались вы светлую силу.
Лик свой просуньте в окно заревое:
дышит, гуляет, качает Россию
Белое, Белое, Белое море...*

Интересно, что в книжном варианте последняя строфа начинается строчкой «Вот и дождались вы светлую силу». Однако доводилось мне слышать, как «Экспансию...» читает автор, и там эта строка звучала иначе. Он почти ничего не переделывал, просто переставил слова: «Вот дождались вы и светлую силу», а смысл – изменился. Пусть не значительно, но весомо. Это едва заметное внешнее изменение сделало реальную жизненную ситуацию, которая предшествовала стиху, более острой и жесткой. Получается, это было не просто ожидание светлой силы, но ожидание в присутствии неких иных сил. Каких? Ясно, что не светлых. Очевидно, тех, отголосок которых, их «хохот чугунный» слышим мы в начальных строфах стихотворения.

Но на холод и мрак, и прочие, какие ни возьми, темные силы у Логинава неизменно найдется достойный ответ. В его стихах почти всегда присутствует интонация победы. Или, если точнее, – непобедимости, совершенной невозможности поражения. Пусть даже все вокруг плохо, в нем жива уверенность – выдержим, выстоим. Его лирический герой никогда не унывает – в битве он – веселый и злой. Он и верит, и знает: «Прорвемся!»

Что касается истоков, откуда происходит поэзия Александра Логинава, то предпочтения он и сам указывает, – и в прозе, и в стихах, да и по самым последним многое становится ясно, если вдосталь считаешь, какими бы разными они ни были. Это и Николай Рубцов, и Павел Васильев, и Борис Корнилов, и Николай Заболоцкий, и Юрий Кузнецов. Он воспринимает товарищей по цеху иных времен как собеседников за общим столом, как товарищей, соратников в едином строю.

Он, как и все поэты его круга, русские поэты, от Есенина до Кольчева, человек земли. На ней стоят крепко. Ею, ее питательной, преображающей, корневой силой, живы, ей соприродны, как Логиннов написал в одном из давних уже стихотворений: «Колыбель моя нежная, Мати сырая земля». Да не только! Вот вам еще: «По мере сердца и по мере сил Я жить учусь у золотого злака. Земля зовет!» Да, земля зовет. Но при этом и небо – рядом. Связь земного и небесного в стихах Логинава непрестанна, всегда ощутима, даже когда он об этом и не упоминает. Но часто и упоминает, и четко, однозначно определяет – как формулу неизменную читателю доверяет:

*И корни родового древа
В моей груди переплелись.
И глыбы земли, и неба высь –
Все полно стройного напева.*

При этом лирический герой Логинава (а рядом с ним, порой прямо за спиной – сам поэт) – тот еще ухарь, – попробуй тронь! Он «не винт, что идет по резьбе», своеволен и своенравен. И на земле, и в небе живет. Причем небо и земля сосуществуют в лучших стихотворениях поэта по божественному завету – нераздельно и неслиянно. В этом-то полумифическом-полуреальном пространстве и приходится торить свои пути герою Логинава. Причем, надо сказать, он этим нисколько не тяготится. Живет – и в ус не дует! Как в стихотворении «Из детства»:

*Взмахну рукой – и голуби летят.
Над колокольной крыльях их звенят.
Я в тесный лаз проникну, в полумгле,
Идя на ощупь, прошепчу земле:*

*«Я отрывался от тебя не раз.
На полустанках пил с кислинкой квас.
Я всё успеть за будущим хотел.
Я по тебе шагал, бежал, летел...»*

У него, кстати, и ледоход подчас и тот – небесный. Но при этом лирический герой Логинава иногда настолько земной, что будьте нате! Залюбуешься на такого парня от сохи, как, к примеру, в стихотворении «Доверяя ветреной погоде...», который плывет себе на парходике, распростившись с ветреной подругой, и о небе и не мыслит, и черт ему не брат, но у этого яростного гулевана парус надувает не кто-нибудь, а эпоха. Так что, по-есенински, «не такой уж, в общем, я пропащий».

Связь с землей, конечно, нерушима. Не придуманной, не аморфной, а живой – нашей Родиной, великой и тревожной.

Земля, на которой выстраивает свою жизнь лирический герой Логинова, – наша, родная. Россия! Присутствие, теплое дыхание Родины ощутимо во всех его стихах (пожалуй, даже и в шуточных), но в лучших – особенно, явственно. Для него, как для любого русского – и поэта, и не поэта, главная забота – «жила бы страна родная и нету других забот». Логинов, по его же собственным словам, «как всякий русский, верный муж и воин, проснется утром: «Хороша земля!», для него, что бы ни происходило, там, «над землей, сияет Русский дом». Как шар любви, сияет Русский дом».

Родина у него тоже подчас где-то в разреженном пространстве между землей и небом, мифом и явью, но вместе с тем и вполне материальна, вещественна. Потому как отношение к ней – трепетное, сыновье.

Логинов и в стихах о Рубцове вовсе не вдруг, а последовательно, шаг за шагом восходит к теме для него главной – теме Родины, готовности встать за нее стеной всегда, а уж тем паче когда оголтелая тьма наступает:

*Я не воин из гвардии Белой
И тем паче не красный стрелок,
Но сразиться с чумой оголтелой –
Это честь моя, совесть и долг.*

*Безоглядно встаю я на бруствер,
Не с винтовкою – с книжкой стихов,
Потому что я с Севера, русский,
Потому что я к бою готов.*

В любом противостоянии, в том числе и литературном, позиция Логинова, на мой взгляд, очень близка позиции другого поэта-северянина Виктора Коротаева: «Презираю ваши баррикады, Выхожу на линию огня. Я давно не жду от вас пощады. Но и вы не ждите от меня».

В целом, Логинов очень по-своему решает традиционную тему «поэта и поэзии». Как мы уже говорили, поэтический круг для него не только круг избранных, которому он верен, но и обязанность, почти воинская, – всегдашняя готовность к бою – как в процитированном стихотворении и во многих других.

Программным, расставляющим все точки над *i*, здесь, пожалуй, является стихотворение «Не бояться лицо потерять». Прочитирую полностью, оно того стоит:

*Не бояться лицо потерять,
Не бояться в веках затеряться,
Даже если нейдет – молчать,
Чтоб хотя бы в себе разобраться.*

*Разрывая пространство стиха,
Улыбнуться светло, беспечно,
Душу вывернуть, дать петуха –
И опять погрузиться в молчанье.*

*Никому, ничего, никогда...
Быть незримым и неуловимым.
И свои не сдавать города
Даже женщинам нежно любимым.*

Для Логинова эта тема зачастую не разговор исключительно о поэте и поэзии. Почти всегда – много шире, объемнее, глубже. В процитированном стихотворении многое сказано. Поэт четко дает понять, что ему чужды богемная суэта и суесловие, что слава ему претит, так же, как и пустое словоговорение по поводу и без повода. А какая концовка! «И свои не сдавать города Даже женщинам нежно любимым» – железное правило, которое ко всему в жизни имеет отношение, не только к такой ее частности, как стихи.

Внешние атрибуты (атрибуты успеха!) для героя Логинова не важны, он ищет в жизни другие ориентиры, в том числе и в писательской жизни:

*Я не знаю, зачем и откуда
Влился в душу писательский жар,
Но когда-то ж мне выдадут ссуду,
Причитающийся гонорар –*

*Пять аршинов земли и не тесный
Гроб тесовый, венок завитой,
Чтобы слушал я там, в занебесье,
Как звезда говорит со звездой.*

И дальше:

*Я не знаю, что лучше – стареть
Без надежды и гнить в психбольницах,
Иль, вцепившись в тюремную клеть,
Наблюдать, как целуются птицы.*

Однако поэты (и поэзия!) для Логинова не только предмет пристального внимания высоко-любых литературоведов, но часто и друзья. В заключительной части «Недописанного автопортрета» мы находим несколько тому подтверждений. Там несколько посвящений – Алек-

сандру Роскову («А Саши нет. И предо мной – обрыв»), Михаилу Анищенко, Инэль Яшиной, Александру Михайлову и другим – не только писателям, но и художникам, и музыкантам.

Там же и несколько признаний поэтических – исповедальных, таких, где важно каждое слово:

*Поэзия – это как нить Ариадны.
Но если с душой было что-то неладно,
Слова растворятся в горсти.
Ах, совесть моя, не позволь оступиться,
Меж правдой и ложью не дай заблудиться.
Коль можешь спасти – то спаси.*

Поэту-мурманчанину Николаю Колычеву нет посвящения в этой книге, но как не сравнить Логинова и Колычева – двух больших поэтов-северян, близких по мысли и духу?.. Близких-то близких, но, очевидно, очень разных. Тематически, да, они действительно чрезвычайно близки. Родина, родная земля, отношение к власти и нашему, не такому уж подчас счастливому, а то и горестному бытию. В этом они рядом, хотя, конечно, Колычев всегда конкретен, он не в мифе живет, – в яви, подчас очень жесткой, а то и жестокой, как в стихотворении про мать, которую дети из лужи вытаскивают. Но там спасает, выводит на иной уровень разговора очень точная, восходящая к небу концовка: «Когда бы мы Россию так любили, Тогда бы мы смогли ее поднять».

Колычев более конкретен, предметен. Он, если о малой родине, то четко о конкретном месте – Мурманске, Кандалакше, Кольской земле. У Логинова, конечно, дыхание родной каргопольской земли ощутимо, но он зачастую прямо-то её не называет, его разговор с читателем всегда шире, объемнее географически точно определенного места.

Как я уже отмечал, совсем другие у Колычева стихи о любви к женщине. Там – страсть, порыв, вне правил и границ, о взвешенности и такте там и говорить не приходится.

Логинов, как мне кажется, мудрее (и в том, что в социальных стихах не конкретен – тоже), его стихи объемнее, глубже. Это, конечно, и от того, что Колычев много меньше прожил, только подступал к той заповедной глубине, что доступна Логинову, – почитайте колычевское стихотворение, созданное после гибели хора имени Александрова, «Буду молчать», там эта глубина уже явственно ощутима.

Вспомнили, благодаря Колычеву, о любви, так продолжим. Стихи Логинова о любви по строю своему поэтическому, по интонации очень отли-

чаются от традиционной его лирики, – очень мягкие, сдержанные, целомудренные. Здесь всё не впрямую, а исподволь, как о чем-то, о чем много говорить не следует, здесь всё – тайна, или, если точнее, посвящение в тайну.

Метаний между «да» и «нет», очумелых юных влюбленных вы здесь не найдете. Речь, как правило, о любви зрелых людей, таков и взгляд поэта на эти отношения – взвешенный, несуетный, всезнающий подчас. По крайней мере, главное ему точно ведомо: «Ты ведь знаешь, я не умру. Только ты не оставь меня». Интересно, что для лирического героя Логинова любовь – не страсть, не пожар чувств, но – служение. Вспомним хотя бы стихотворение «Ты прости мои ошибки...», где главная героиня «нашла по доброй воле непутёвого» поэта:

*Я бы сгинул в снежной сече
На скрещении дорог,
Человечек-человече,
Развоздушный мотылек!*

*Я твоей любовью выжил,
Я тобой спасён стократ.
Я ведь, как и ты, пострижен –
Ты солдатка, я солдат.*

А насколько тонко, тактично описаны взаимоотношения мужчины и женщины в стихотворении «По болоту молча ходим...»! Внешне – обычный поход за грибами, а на деле – история любви. Причем история, как и в предыдущем стихотворении, не сиюминутная, длящаяся – из прошлого в будущее, где «изо мха, как наша дочка, клюкво-ягодка глядит», ягодка непростая – «с кислинкой». И возвращение домой чудесное, очень в духе Логинова, где земное и небесное – едино и где грань между ними не всегда различишь, почти неуловима она:

*Но с болотом шутки плохи,
И под вечер на дымок
Мы с болота словно боги
Возвращались без сапог.*

Любовь у Логинова всегда негромкая, обезоруживающая чистотой и нежностью. На полувдохе, без демонстраций и шумных побед, когда ничего прямо нам не говорится. А зачем? Всё и так понятно. По интонации, по деталям и штрихам, которые нам доверяет автор, как в стихотворении «Тиха каргопольская осень...»:

234 *Дмитрий Коржов*

*Свинцовое небо в заплатах
Печалится, тайну храня.
Здесь девушка в белом халате
Кормила вареньем меня.*

*О счастье! О тайные тропы!
О первого чувства метель!
Со стен сам товарищ Андропов
На нас с укоризной смотрел.*

Что еще очень важно в творчестве Логинова в целом, в отличие от того же Колычева, в том взгляде на мир, который проявляется в его стихах, – это голос победы (так необходимый нам – и сейчас, и всегда), голос света. Он звучит даже в самых, казалось бы, грустных, не располагающих к победным интонациям вещах. А уж в «Экспансии Белого моря» особенно явственно и мощно. Он словно говорит нам всем: «Хватит плакать! Так всю Россию проплачете...» Как же часто не хватает нам вот этого – уверенности в победе. Несмотря ни на что, несмотря на все беды и напасти, в стихах Логинова звучит вера в триумф добра над злом и, что покоряет, присутствует сила, способная отстоять, уберечь от беды – и близких, и родной край, и страну, и, если хотите, всю Вселенную.

Пушкин когда-то писал о так называемой лестнице чувств, что должна присутствовать в стихах. Речь о том, что пространство классического русского стиха – пять-семь четверостиший – должно вмещать едва ли не весь набор переживаний, что испытываем мы в жизни: и смех, и слезы, и горечь, и счастье. Должно-то должно, да не каждому такое по силам... Пушкину удавалось много чаще других. На то он и гений. На мой взгляд, очевидно, что и Логинову лестница чувств по плечу и, замечу, не столь уж и редко удается ему ее выстраивать.

Девяностые годы («Девяностые» – так называется одна из главок «Автопортрета») Логинов, как почти все поэты его поколения, переживал тяжело, как смерть. Откликнулся на них стихами – горькими и яростными:

*А теперь, наши Молот и Серп,
Оказались и вы на задворках.
Новый день поднимается сер
И свиреп, как тамбовские волки.*

Боль поэта естественна – и понятна, и памятна, не оставляет его и поныне. Потому как в какой-то момент показалось, что мы проиграли... Даже не

отдельный бой и не за СССР сражение, но – за Россию. Слишком уж глубокой (без надежды) выделась яма, в которой и страна, и все мы, сознающие себя русскими людьми, очутились в первое постсоветское время. Слишком длинным был список утрат – и материальных, и сущностных, и человеческих (вот уж воистину, «как во время большой молотбы, Наши жизни летят, что полова»). Распад великой державы, глубокий экономический кризис, когда все кинулись покупать и продавать, но никто не хотел производить, почти повсеместный бандитский беспредел, сумеречное, полубомбочное состояние армии и флота, которые были вынуждены выживать на подножном корму, предательская по отношению ко всем недавним союзникам внешняя политика – это еще не полный перечень бед, что пережили мы в те годы. В стихах «замурованного прочно В голодной и нищей России» поэта появляется неведомый ему прежде запал яростной, искренней ненависти к происходящему:

*Всё в природе, продажной и сучьей,
Всё обрушилось скопом на нас.
Лижут мерзкие грязные тучи
Испоганенный иконостас.*

*Где же ты, Светоносец Георгий,
Где твое золотое копьё?
Посреди вакханалий и оргий
Гибнет Родина – сердце мое!..*

А что спасает в такой вроде бы непреодолимой, беспросветной тьме? Ответ Логинова внешне прост, но, на мой взгляд, абсолютен – родной язык:

*Двадцатый век. И вся в снегах Россия.
Гармонь или дуда – не все ль равно,
Когда нам изменили дух и сила.
И потому я зверь. Я нынче дик.
Я призываю пращуров язык.*

Как видим, язык для поэта – одна из нерушимых, объединяющих скреп, что делает народ слитым в кулак, здесь звучит и родовая память, память о предках, которые (как сказал другой поэт – «ремесленники и крестьяне, и странники, и мудрецы, и ратники в плащах сафьянных, и богомазы, и купцы») всегда с тобой, всегда поддержат и спасут. Если, конечно, ты помнишь. В стихотворении, посвященном Александру Роскову, Логинов прямо об этом говорит, и это звучит почти как

заговор, как молитвенное нерушимое правило: «Но мы спасемся – верю! – русским словом».

Дивное все-таки у него сочетание небесного и земного, житейского и возвышенного! А сколько порой иронии и самоиронии – категорий для русских поэтов не столь уж и частых, если не сказать редких. Для Логинова это естественно, порой и в серьезных стихотворениях они звучат, причем не надуманно, но светло и уместно. Как в той же «Оттепели», где после серьезного запева – «хочется думать и плакать», он уходит от серьезного в образное (не без грустной улыбки) описание того, что видит вокруг с показательной, горькой анафорой «плачут-плачет», дальше – люди, что «морщат тяжелые лбы» и всё им не в радость, даже зима:

*Оттепель. Плачет природа.
В мире сплошной кавардак.
Выйду ли в гущу народа,
Слышу: «Все нынче не так...»*

*«Что же не так? – вопрошаю. –
Всюду есть сахар и хлеб.
В каждом поселке пивная.
Все есть – для всяких потреб».*

*«Это ль зима? – скажут. – Горькость».
Морщат тяжелые лбы.
Вот и морозная стойкость
В нас пропадает.
Увы,*

*Все объяснить людям силясь,
Стыну, что кол в городьбе...
Мы сострадать разучились
Небу, природе, себе.*

И концовка – философское обобщение всего, что прежде нам было показано, содержащая ко всему прочему еще и жестко-ироничную самооценку. Изумительная концовка: «Все объяснить людям силясь, Стыну, что кол в городьбе» – как это горько и вместе с тем нет там пропащей безысходности и уныния. Есть напор, сила, есть действие – упрямое, неудержимое. Хоть и «стыну», а от своего не отступлюсь, утритесь!

Автор мне как-то рассказал, что его за это стихотворение давно, еще при советской власти, крепко ругали. И печатать не хотели. Обвиняли в очернительстве.

Да уж, перестарались господа цензоры, увлеклись. Это – поэзия, она живет правдой, но

правдой глубинной, далекой от схем «наш – не наш». Такие стихи так же далеки от пошлого диссидентства, как и от барабанно-плоских виршей вроде «Коммунисты, вперед!».

И напоследок еще одна цитата – не поэтическая, но безусловная, потому как это сущностное определение – и всех книг Александра Логинова, и всей его жизни: «...Принципиальная нравственная позиция в отношении своей Родины, а значит, России, не подлежит пересмотру. За нее надо бороться. И побеждать. С верой в то, что «ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда...».

**Логинов А.А. Автопортрет.
Стихи и хроники разных лет.
Архангельск.
Издательский дом Гуревич.
Тираж 250 экз.
ISBN 978_5_6048623_4_6**

